

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А

города Москвы

С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., рассмотрев посредством видео-конференц-связи в закрытом заседании с участием адвоката С. и ее представителя – адвоката Д. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы, удостоверение адвоката № ... выдано 10 августа 2012 года, ордер от 04 октября 2021 года № ...) дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе М. от 11 июля 2021 года (вх. № ... от 15.07.2021) в отношении адвоката С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы)

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 06 октября 2021 года адвокат С. ненадлежаще, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнила свои профессиональные обязанности перед доверителем М., что выразилось в заключении ею 17 ноября 2020 года в помещении СО ОМВД России по району К. города Москвы с М. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи № ... путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов – СО ОМВД России по району К. города Москвы в целях последующего вступления в уголовное дело № ..., находящееся в производстве старшего следователя СО ОМВД России по району К. города Москвы Да., в качестве защитника М. по соглашению в обход положений ч. 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих следователя принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов, и лишь по истечении 24 часов с момента задержания подозреваемого.

В оставшейся части дисциплинарное производство признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката С. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель М. содержится под стражей в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве, правом на приглашение представителя для участия в дисциплинарном производстве не воспользовался.

Адвокат С. в заседании Совета подтвердила получение Заключения Квалификационной комиссии от 06 октября 2021 года и ознакомление с ним. С выводами Комиссии не согласна, поддерживает доводы, изложенные ею в письменных возражениях от 21.11.2021 на Заключение Квалификационной комиссии (вх. № ... от 25.11.2021). Дополнительно адвокат С. сообщила, что постановления о назначении защитника не должно было быть в материалах уголовного дела. Об этом факте в ходе судебного заседания допрашивалась следователь, расследующая уголовное дело, которая объяснила вынесение этого постановления «технической ошибкой». Адвокат С. представляла в материалы уголовного дела ордер, в котором в качестве основания для участия указывалось соглашение.

Представитель адвоката С. – адвокат Д. также не согласился с выводами Квалификационной комиссии, поддержал доводы адвоката С. и дополнительно сообщил, что дисциплинарное обвинение нельзя строить на предположениях о сговоре со следователем. «После заключения соглашения адвокат С. не смогла достоверно вспомнить» - единственный, по его мнению, довод Комиссии, положенный в основу этого вывода. Но этот факт имел место более года назад и сам по себе не является нарушением Кодекса профессиональной этики адвоката. Помимо этого, он полагает, что Квалификационная комиссия вышла за пределы жалобы, признав адвоката С. нарушившей пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку такое обвинение не было сформулировано в жалобе заявителя. Адвокат С. не знала и не могла знать, что следователь вынесла постановление о назначении защитника. Об этом она узнала, только выполняя требования ст. 217 УПК РФ. Следователь не знакомила адвоката С. с указанным постановлением. Адвокат не может отвечать за действия следователя.

Рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав явившихся участников, Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах.

Так, установлено, что в производстве старшего следователя СО ОМВД России по району К. города Москвы Да. находилось уголовное дело № ..., возбужденное в отношении М. по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ.

17 ноября 2020 года между адвокатом С. и заявителем М. был заключен Договор (соглашение) об оказании юридической помощи № ... По условиям Договора адвокат С. приняла на себя поручение по осуществлению защиты М. на предварительном следствии в СО ОМВД России по району К. города Москвы, а вознаграждение адвоката С. составило 30.000 рублей. На момент подписания указанного Договора М. был фактически задержан и находился в СО ОМВД России по району К. города Москвы.

Из материалов дисциплинарного производства усматривается, что 17 ноября 2020 года старший следователь СО ОМВД России по району К. города Москвы вынесла постановление о назначении М. защитника в порядке, предусмотренном ст. 50 и 51 УПК РФ.

В этот же день в 03.00 час. при участии адвоката С., представившей ордер от 17 ноября 2020 года № ..., выданный М. коллегией адвокатов «...», М. был задержан в порядке, предусмотренном ст. 91 и 92 УПК РФ, по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. В протоколе задержания указано, что М. с задержанием согласен.

17 ноября 2020 года в период с 03.30 час. по 03.40 час. М. был допрошен в качестве подозреваемого по уголовному делу № ... В ходе допроса М. отказался от дачи показаний, воспользовавшись правом, предусмотренным ст. 51 Конституции Российской Федерации. Затем старшим следователем СО ОМВД России по району К. города Москвы Д. заявителю М. было предъявлено обвинение и составлен протокол разъяснения обвиняемому М. права воспользоваться помощью защитника, в котором М. собственноручно указал следующее: «Мне, М., разъяснено право иметь защитника, в связи с чем я желаю, чтобы мои интересы защищал адвокат С.».

В период с 03.55 час. по 04.00 час. М. был допрошен в качестве обвиняемого. В протоколе допроса М. в качестве обвиняемого указано, что он признает себя виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, при этом М. отказался от дачи показаний, воспользовавшись правом, предусмотренным ст. 51 Конституции Российской Федерации.

21 января 2021 года в период с 11.30 час. по 11.50 час. М. был дополнительно допрошен в качестве обвиняемого. В протоколе дополнительного допроса М. в качестве обвиняемого указано, что он признает себя виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, сотрудники правоохранительных органов не оказывали на него никакого давления, и ему было предоставлено неограниченное время для общения с защитником, который разъяснил ему права, в том числе положения ст. 51 Конституции Российской Федерации, при этом М. отказался от дачи показаний, воспользовавшись правом, предусмотренным ст. 51 Конституции Российской Федерации. В этот же день обвиняемый М. и его защитник С. были уведомлены об окончании следственных действий по уголовному делу № ..., а затем в период с 12.15 час. по 13.20 час. они ознакомились с материалами указанного уголовного дела, о чем был составлен протокол в порядке, установленном ст. 218 УПК РФ.

Все процессуальные действия с М. проходили при участии адвоката С., а протоколы процессуальных действий подписаны М. и адвокатом С. без замечаний.

22 января 2021 года М. подписал акт выполненных адвокатом С. работ, в котором указано, что ему была оказана квалифицированная юридическая помощь, в том числе консультации, в связи с чем М. не имеет претензий к адвокату С.

В протоколе судебного заседания К. районного суда города Москвы по рассмотрению уголовного дела в отношении М. от 31 марта 2021 года указано, что на вопрос председательствующего М. о том, давал ли он на стадии предварительного расследования аналогичные показания, М. ответил: *«на стадии предварительного расследования я не давал показаний. Я был в состоянии наркотического опьянения и был в «неадеквате». Я не читал свои показания, а просто подписал их, поскольку осознавал свою вину»* (страница 10 Протокола).

В протоколе судебного заседания К. районного суда города Москвы по рассмотрению уголовного дела в отношении М. от 27 мая 2021 года указано, что на вопрос председательствующего М. о том, заключал ли он либо его родственники с адвокатом С. соглашение об оказании юридической помощи, М. ответил, что он точно этого не помнит, а заключали ли соглашение его родственники, ему неизвестно (страница 3 Протокола).

В приговоре К. районного суда города Москвы от 13 июля 2021 года в отношении М. указано, что допрошенная в судебном заседании по инициативе стороны обвинения следователь Да. показала, что в период нахождения в ее производстве уголовного дела в отношении М. в процессуальных действиях по уголовному делу принимала участие адвокат С., которая предоставила «ордер по соглашению». В постановлении старшего следователя СО ОМВД России по району К. города Москвы Да. от 17 ноября 2020 года о назначении подозреваемому Мо. защитника указаны ошибочные сведения о том, что адвокат С. участвует в уголовном деле по назначению. У следователя «не имеется законных оснований» для проверки сведений, указанных в ордере адвоката. В соответствии с законом адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Кроме того, М. не отказывался от адвоката С. и не отрицал участие последней по соглашению.

Рассматривая доводы жалобы М. о том, что адвокат С. не разъяснила М. последствия дачи им показаний, а единственным доказательством совершения им преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, являются его признательные показания, данные им при допросе в качестве обвиняемого в присутствии защитника С., Совет отмечает, что указанные доводы какими-либо доказательствами не подтверждаются. Сама адвокат С. указанные доводы жалобы М. также не подтверждает.

Напротив, как указано выше, из материалов дисциплинарного производства усматривается, что 17 ноября 2020 года М. заключил с адвокатом С. Договор (соглашение) об оказании юридической помощи. Протоколы процессуальных действий, произведенных с участием адвоката С. 17 ноября 2020 года и 21 января 2021 года, содержат информацию о разъяснении следователем М. его прав. В протоколе допроса М. в качестве

обвиняемого от 21 января 2021 года указано, что сотрудники правоохранительных органов не оказывали на него никакого давления, и ему было предоставлено неограниченное время для общения с защитником, который разъяснил ему права, в том числе ст. 51 Конституции Российской Федерации. Указанные протоколы подписаны М. без замечаний. 17 ноября 2020 года перед допросом М. в качестве обвиняемого ему дополнительно были разъяснены право обвиняемого воспользоваться помощью защитника, положения ст. 49 и 50 УПК РФ, а также статья 51 Конституции Российской Федерации, о чем был составлен протокол, который М. подписал без замечаний.

22 января 2021 года М. подписал акт выполненных адвокатом С. работ, в котором указано, что ему была оказана квалифицированная юридическая помощь, в связи с чем он не имеет претензий к адвокату С.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в этой части, поскольку данное дисциплинарное обвинение не нашло своего подтверждения в результате дисциплинарного разбирательства.

Рассматривая доводы жалобы М. о том, что адвокат С. представила в материалы уголовного дела № ... ордер от 17 ноября 2020 года № ..., в котором указано, что он выдан на основании соглашения об оказании юридической помощи № ... от 17 ноября 2020, при этом ни М., ни его родственники не заключали с адвокатом С. соглашение об оказании юридической помощи, Совет отмечает, что в силу положений пп. 1 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый не отказался от защитника в порядке, установленном статьей 52 УПК РФ. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и суда.

В соответствии с ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник или несколько защитников могут быть приглашены для участия в деле как самим подозреваемым, обвиняемым, так и его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого.

По просьбе подозреваемого, обвиняемого участие защитника обеспечивается дознавателем, следователем или судом (ч. 2 ст. 50 УПК РФ).

Если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного им, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов. При отказе подозреваемого, обвиняемого от назначенного защитника следственные действия с участием подозреваемого, обвиняемого могут быть произведены без участия защитника, за исключением случаев, предусмотренных пунктами 2-7 части первой статьи 51 настоящего Кодекса (ч. 4 ст. 50 УПК РФ).

Несмотря на то, что М. отрицает осуществление адвокатом С. его защиты на основании заключенного Соглашения, в материалах

дисциплинарного производства содержатся светоконии подписанных М. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 17 ноября 2020 года № ... и акта выполненных адвокатом С. работ от 22 января 2021 года.

Из протоколов судебных заседаний К. районного суда города Москвы от 31 марта и 27 мая 2021 года усматривается, что М. не смог ни подтвердить, ни опровергнуть факт заключения указанного Договора, поскольку на момент встречи с адвокатом С. находился в состоянии наркотического опьянения.

Приведенные обстоятельства, подтвержденные доказательствами, в своей совокупности позволяют Совету прийти к выводу о том, что указанный Договор действительно подписывался М., и именно на основании Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 17 ноября 2020 года № ... адвокат С. представила в материалы уголовного дела № ... ордер от 17 ноября 2020 года № ..., выданный на защиту М., в котором в графе «основание выдачи ордера» указано «соглашение».

Вместе с тем, давая оценку дисциплинарному обвинению в ненадлежащем способе вступления адвоката С. в уголовное дело в качестве защитника М., Совет считает необходимым применить сформировавшийся в дисциплинарной практике стандарт доказывания соблюдения профессиональных правил при вступлении в уголовное дело в качестве защитника. В этих целях Совет последовательно рассматривает всю совокупность обстоятельств, связанных с появлением адвоката в месте производства процессуальных и иных следственных действий с доверителем, источниками информированности адвоката о потребности доверителя в защите, заключением соглашения об оказании юридической помощи и оплатой гонорара, периодом участия адвоката-защитника в уголовном деле, процессуальным поведением защитника после участия в первоначальных следственных и процессуальных действиях, а также с процессуальным поведением следователя по обеспечению реализации права обвиняемого (подозреваемого) на защиту.

Оценка дисциплинарного обвинения в подмене основания вступления адвоката в уголовное дело в качестве защитника (защита по соглашению вместо защиты по назначению) требует от органов адвокатского самоуправления соблюдения высокого стандарта доказывания, устраняющего любые разумные сомнения в том, что адвокат использовал личные связи с работниками правоохранительных органов для вступления в уголовное дело.

Рассматривая с этих позиций указанные выше фактические обстоятельства настоящего дисциплинарного производства, Совет обращает внимание на то, что на фоне отрицания заявителем М. своего добровольного волеизъявления на заключение Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 17 ноября 2020 года № ... с адвокатом С. не представлено сколько-нибудь убедительных объяснений обстоятельств установления доверительных отношений между адвокатом и М., являющихся обязательным предварительным условием добровольного заключения

последним соглашением об оказании юридической помощи именно с адвокатом С. При этом адвокат С. на протяжении всего дисциплинарного разбирательства и несмотря на неоднократно заданные ей вопросы, не дала никаких конкретных пояснений о том, кто обратился к ней с просьбой явиться в СО ОМВД России по району К. города Москвы в ночное время для осуществления защиты М. Сообщенная ею, со ссылкой на запоминание, предположительная версия о том, что вечером 16 ноября 2020 года или ночью 17 ноября 2020 года кто-то из родственников М. или иных лиц, заинтересованных в его судьбе, мог позвонить по телефону М. коллегии адвокатов «...» или по телефону знакомых коллег адвоката С. из других адвокатских образований в поисках адвоката для М., ничем объективно не подтверждается, не выдерживает критики и отклоняется Советом в силу абсолютной неконкретности и несостоятельности.

Квалификационной комиссией правильно установлено и указано в Заключении, что 17 ноября 2020 года М. был фактически задержан и находился в СО ОМВД России по району К. города Москвы, вследствие чего он был лишен возможности свободно передвигаться по помещениям следственного органа и осуществлять какие-либо коммуникации в целях поиска себе защитника по соглашению. В своей жалобе М. также указал, что при задержании у него был изъят мобильный телефон, поэтому он не мог сообщить о своем задержании никому из близких родственников. В протоколе задержания подозреваемого М. от 17 ноября 2020 года отсутствуют сведения о том, что ему было предоставлено право на телефонный звонок, а М. воспользовался им.

Помимо этого, как указано выше, заявитель М. не помнит обстоятельств заключения им Соглашения об оказании юридической помощи от 17 ноября 2020 года с адвокатом С., при этом его объяснение этого факта состоянием наркотического опьянения является логичной и обоснованной. В свою очередь, адвокат С. не смогла сообщить не только обстоятельств обращения к ней за юридической помощью, но и каких-либо конкретных обстоятельств заключения с М. соглашения об оказании юридической помощи, например: конкретного места и времени его заключения, обсуждения существенных условий, составления и подписания и других обстоятельств, на основании которых органы адвокатского самоуправления могли бы установить честность, разумность и добросовестность профессионального поведения адвоката при совершении важнейшего юридически значимого действия – заключения Соглашения об оказании юридической помощи с доверителем, находящимся под контролем органов уголовного преследования в условиях фактического лишения свободы передвижения и действий.

Отсутствие сведений об обстоятельствах заключения Соглашения об оказании юридической помощи от 17 ноября 2020 года исключают возможность вывода о честном, разумном и добросовестном поведении адвоката при исполнении профессиональных обязанностей. При этом в условиях, когда доверитель адвоката С. – обвиняемый М. не помнит

обстоятельств заключения указанного соглашения, единственным источником такой информации может являться адвокат С., и детальное объяснение ею обстоятельств заключения соглашения об оказании юридической помощи органам адвокатского самоуправления для защиты от выдвинутого дисциплинарного обвинения было бы только в её интересах.

Совет обращает внимание и на другое обстоятельство: до настоящего времени гонорар по указанному выше соглашению не выплачен, а сама адвокат С. не предпринимала каких-либо действий по его получению или взысканию.

Наконец, Совет обращает внимание на профессиональное поведение старшего следователя СО ОМВД России по району К. города Москвы Да. Несмотря на то, что М. был фактически задержан, находился СО ОМВД России по району К. города Москвы, и в отношении него было возбуждено уголовное дело, старший следователь СО ОМВД России по району К. города Москвы Да. не разместила в Автоматизированной информационной системе Адвокатской палаты города Москвы требование об обеспечении участия защитника в уголовном судопроизводстве для осуществления защиты М. в порядке, установленном ст. 50 и 51 УПК РФ, что подтверждается служебной запиской руководителя IT отдела Адвокатской палаты города Москвы Богданова Д.М. от 23 сентября 2021 года. При этом материалы дисциплинарного производства содержат постановление старшего следователя СО ОМВД России по району К. города Москвы Да. от 17 ноября 2020 года о назначении М. защитника – адвоката С.

В соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Вынесение следователем какого-либо специального постановления о допуске к участию в уголовном деле защитника (тем более по соглашению) законом не предусмотрено. В связи с чем защитительная версия адвоката С. о том, что следователь Да. допустила «техническую ошибку» и вынесла постановление о назначении защитника вместо постановления о допуске защитника, отклоняется Советом как явно надуманная и несостоятельная, тем более, что адвокат С. и её представитель не смогли пояснить Совету, в чём заключался «технический» характер ошибки следователя.

Совокупность фактических обстоятельств, выражающихся в отсутствии достоверных и подтверждённых сведений об источнике получения адвокатом С. информации о потребности задержанного М. в защитнике по соглашению, об обстоятельствах появления адвоката С. в ночное время 17 ноября 2020 года в СО ОМВД России по району К. города Москвы, заключения ею с задержанным и находившимся в состоянии наркотического опьянения М. Соглашения об оказании юридической помощи от 17 ноября 2020 года № ..., неоплата гонорара в сочетании с отсутствием каких-либо попыток адвоката С. его получить, совпадение бездействия следователя по размещению заявки в АИС АПМ и действий адвоката С., выразившихся в не объяснённом никакими конкретными и разумными причинами появлении её в ночное время в СО ОМВД России по

району К. города Москвы в период производства первоначальных следственных действий, при наличии постановления следователя о назначении адвоката С. защитником подозреваемого М. приводят Совет к выводу о неисполнении, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, адвокатом С. своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., что выразилось в привлечении М. в качестве доверителя путем использования своих личных связей с работниками правоохранительных органов. При этом на оценку профессионального поведения адвоката С. не влияет то обстоятельство, были ли это её связи именно со следователем, в производстве которого находилось уголовное дело, или с какими-либо иными сотрудниками правоохранительных органов.

Вступление адвоката С. в уголовное дело в качестве защитника М. на основании Договора (соглашения) об оказании юридической помощи от 17 ноября 2020 года № ... позволило следователю произвести первоначальные следственные и иные процессуальные действия с участием М. и его защитника по соглашению, имеющие особо важное значение для дальнейшего хода расследования по делу, не создавая заявки в АИС АПМ и до истечения 24-часового срока с момента задержания подозреваемого М., отведенного ч. 4 ст. 50 УПК РФ для явки приглашенного защитника. Именно в этом, по мнению Совета, основанному на совокупности приведённых выше обстоятельств, и заключались цель и практическое значение вступления адвоката С. 17 ноября 2020 года в уголовное дело. Никакими иными причинами объяснить такое поведение адвоката С. и следователя не представляется возможным.

Совет отклоняет довод представителя адвоката С. – адвоката Д. о выходе органов адвокатского самоуправления за пределы доводов жалобы при рассмотрении настоящего дисциплинарного производства, поскольку заявитель М. в жалобе выдвинул дисциплинарное обвинение в ненадлежащем способе вступления адвоката С. в уголовное дело в качестве защитника. Использование адвокатом личных связей с работниками правоохранительных органов в целях привлечения доверителей является одним из таких ненадлежащих способов вступления в дело в отсутствие правовых оснований и одновременно нарушением прямого запрета, установленного пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката С. за совершенный ею дисциплинарный проступок, Совет учитывает его грубый и умышленный характер, а также обращает внимание на попытку обхода ею установленного порядка вступления в уголовное дело в качестве защитника. Подобное профессиональное поведение адвоката свидетельствует об игнорировании основополагающих требований законодательства и профессиональной этики.

Вместе с тем Совет учитывает, что сами действия адвоката по защите прав и интересов доверителя М. не причинили существенного вреда интересам последнего. При таких обстоятельствах Совет считает правильным сохранить адвокату С. возможность пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о необходимости применения к ней меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату С. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы) дисциплинарное взыскание в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки взаимосвязанным положениям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем М., что выразилось в заключении ею 17 ноября 2020 года в помещении СО ОМВД России по району К. города Москвы с М. Договора (соглашения) об оказании юридической помощи № ... путем использования личных связей с работниками правоохранительных органов – СО ОМВД России по району К. города Москвы в целях ее последующего вступления в уголовное дело № ..., находящееся в производстве старшего следователя СО ОМВД России по району К. города Москвы Да., в качестве защитника М. по соглашению в обход положений ч. 4 ст. 50 УПК РФ, обязывающих следователя принимать меры по назначению защитника исключительно в порядке, определенном Советом Федеральной палаты адвокатов, и лишь по истечении 24 часов с момента задержания подозреваемого.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката С. по жалобе М. от 11 июля 2021 года (вх. № ... от 15.07.2021), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката С. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

И.А. Поляков